

«Неудобная тема»: древние германцы и Римская империя в брошюре Гельмута Берве "Imperium Romanum"

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – небольшая работа известного немецкого исследователя Гельмута Берве "Imperium Romanum". На примере содержания этой брошюры проблематика падения Римской империи и роли в этом процессе германцев приводится в общей парадигме германо-итальянского сближения в начале 40-х годов XX века.

Ключевые слова: Римская империя, германцы, национал-социализм, фашизм, Немецко-итальянское Общество.

Профессор Гельмут Берве (1896–1979) с апреля 1933 года состоял в NSDAP; потому вполне обоснованно считался пропагандистом (вплоть до 1945 года) "nationalsozialistische Weltbild" [1]. Личность этого исследователя, представляющая значительный интерес с историографической точки зрения, до сих пор подвергается систематическим переосмыслениям. В историографическом поле Г. Берве награждали самым широким диапазоном эпитетов: «ведущего антиковеда фашистской Германии», «ведущего антиковеда Германии», «немецкого антиковеда», «известного западногерманского историка-античника», «фашиста Берве», «фашистского историка», «знаменитого немецкого историка».

Можно и дальше продолжать перечисление подобных устойчивых выражений, – и каждое из них будет иметь свою правду, свою конкретно-историческую подоплеку. Причина столь парадоксальной ситуации кроется в том, что научное творчество Г. Берве принадлежит сразу нескольким историческим эпохам. Кстати, подчас складывается впечатление, что в отечественной науке о творчестве Г. Берве – или в контексте изданной на русском языке книги «Тираны Греции» (ориг. назв. "Die Tyrannis bei den Griechen") – или никак [2].

Но феномен Берве противоречив, он полярен по своей сути и «поляризует» [3, с. 457] мнения относительно себя: для одних он навсегда скомпрометировавший себя национал-социализмом историк; другие утверждают, что в отношении этого периода он сам никогда не питал иллюзий и не испытывал теплых чувств. Так или иначе, но ясно одно – за рубежом данная тема освещена куда более полно (достаточно упомянуть соответствующие разделы о Берве, которые написали в свое время Карл Крист [4, с. 125–187], Л.-М. Гюнтер [5, с. 69–105], С. Ребенитч [6, с. 457–496], Р. Урбан [7, с. 45–70]).

Для понимания интерпретационной логики Г. Берве в его трактовке германо-римских отношений, на наш взгляд, целесообразно обозначить общую парадигму развития исторических исследований, оформившуюся в нацистской Германии к моменту издания его небольшой работы "Imperium Romanum". И расширение историко-

графической ретроспективы в этом отношении должно подразумевать не только перечисление всем известных положений о роли истории в деле осуществления нацистских идеалов.

По вполне понятным причинам научную продукцию по античной истории, напечатанную в Германии с 1933 по 1945 годы считают незначительной. Причина – нацификация исторического нарратива и резкое сокращение количества работ, исполненных в традиционной национальной академической манере. Античная история с ее мозаикой ярких и показательных исторических уроков оказалась для немецких политиков заманчивой и привлекательной. Как бы там ни было, а в гитлеровской идеологии присутствовали античные мотивы. И не просто присутствовали, а играли достаточно значимую роль [8, с. 204–205]. Известно, что еще до прихода к власти А. Гитлер отметился провозглашением Арминия «первым архитектором нашей свободы»; а сразу же после основания Третьего рейха один из официальных его художников (Вернер Пайнер) изобразил Арминия на гобелене для рейхсканцелярии. Еще один пример – выставка «расово правильного» арийского искусства, которая прошла в июле 1937 года в Мюнхене. Грандиозное по тем временами мероприятие открывалось шествием облаченных в херусские костюмы людей.

Начало национал-социалистической эпохи если и не пресекло полностью привычные для немецкой исторической науки исследовательские линии, то существенно сместило их вектор. Наивно было бы полагать, что с приходом Гитлера к власти все как один немецкие историки античности восприняли этот факт как катастрофу и воспротивились. Реальность была иной: в рядах историков, прославлявших новый режим, оказались не только временщики (которые, как известно, всегда идут в ногу со временем), но и действительно крупные специалисты, уже вполне состоявшиеся в науке.

На долю этих историков выпала не такая уж и простая задача, – переосмысление и новая интерпретация античной истории. Цель исследований, конечно, не имела ничего общего с установлением исторической истины; вряд ли цель могла заключаться лишь в историческом подкреплении прокламируемых нацистами идеалов. Складывается впечатление, что в этом вопросе наука шла, скорее, от обратного, – то есть речь идет не о задаче лишь «удревнить» претензии, а о задаче подкорректировать видение прошлого (а заодно и всего исторического процесса) в угоду реалиям сегодняшнего дня. Ведь отнюдь не случайно немецкие специалисты с маниакальным упорством стремились не просто идентифицировать германцев в соответствии с известной диспозицией «Варвары – Рим», но (что более важно) обнаружить следы «нордических элементов» именно среди господствующего слоя.

Ключевым моментом в деле системного перетолкования истории античности стали догмы расовой точки зрения:

- германский север был объявлен прародиной древних классических народов;
- «нордические элементы» присутствовали в крупных этнических конгломератах античности;
- расцвет и упадок древних цивилизаций объясняется силой или слабостью их «нордических компонентов».

Характерно, но в эту ассиметричную схему удачно укладывались отнюдь не все периоды античности. Так, интерес и научные усилия в плане изучения классических эпох греческой истории не отличались особой интенсивностью. «Шовинистические и реваншистские настроения» задавали совсем иной исследовательский тон.

Одним словом, фашистских историков в первую очередь интересовали периоды греческой истории, наиболее контрастно подсвечивавшие фундаментальные ра-

совые противоречия с четкой их географической привязкой, т. е. были представители индогерманского севера, были «чистые» и «расово-здоровые» – на одном историческом полюсе (понятное дело – со знаком «+»). А еще было недостойное (потому что неарийское) население востока и юга, были ионийцы и ахейцы. Дальнейший ход мыслей предугадать несложно.

Итак, речь могла идти исключительно о переходных периодах, позволявших раскрыть новую историческую схему в полной «красе»; например – «межвременье» от классики до эллинизма. Сами образы «сильной власти» и наводимого ей «железного порядка» того времени подсказывали исследователям нехитрую логику новой интерпретации периода, когда «разложившийся от избытка свободы греческий мир был спасен целительным вмешательством македонских царей» [9, с. 133].

Кстати, в этой связи отдельного упоминания заслуживает написанное еще в 20-х годах XX века исследование Берве «Империя Александра на просопографическом основании» (ориг. назв. "Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage". Работа важна и показательна как образец решения проблемы «личность в истории», сигнификатора нового курса на бескомпромиссную героизацию, представленную впоследствии в куда более радикальной – националистической форме (и содержании соответственно).

Качества выдающейся исторической личности/сверхличности, согласно авторской позиции, и определяют в полной мере дух той или иной исторической эпохи, задают ритм исторической поступи. В свою очередь, саму сверхличность, мотивы ее деятельности и ее поступки невозможно просчитать или осмыслить рационально. Как справедливо подмечает Э. Д. Фролов, все это будто бы определялось «недостижимыми, иррациональными побуждениями ее духа» [10, с. 134]. К примеру, деятельность Филиппа трактуется, условно говоря, с учетом диспозиции «масштабная личность = масштабные устремления». Экспансивная агрессивность данного правителя выводится из сферы инстинктивного, но такого естественного по своей сути желания расширить собственное жизненное пространство.

Еще одной горячей в интерпретационном плане точкой в 1930–40-е годы явилась история Древней Спарты. В спартиатах нацистская историография усматривала «чистый нордический элемент, подлинную расу господ» [11, с. 148–149]. Да и образ политического устройства Спарты был привлекателен – ведь там на протяжении длительного времени эффективно действовали механизмы тотального социального контроля. Одним словом, исторический опыт Спарты содержал в себе идеальное воплощение государственного устройства, которое так восхищало поборников "stato totalitario" (Г. Берве также не был чужд идеализации дорийской Спарты).

Итак, античный исторический монолит был востребован (а, значит, и переосмыслен) явно неравнозначно – римская цивилизация в этом деле осталась, что называется, «не у дел». По вновь заведенной традиции, классическая эпоха (только теперь уже римской Республики) оказалась малопривлекательной, как бы вынесенной за скобки. Внимание ученых сосредоточилось на исторических переходах, цезурах исторического процесса. Однако и здесь преимущественный интерес вызывал пресловутый «личностный фактор» – деятельность великих воителей и выдающихся политических деятелей. К примеру, диктатура как стиль правления приветствовалась; диктаторы обретали на страницах трудов героический ореол творческой сверхличности, своим гением определявшей логику развития Римского государства. Применительно к имперской эпохе особое значение придавалось этнической принадлежности того или иного правителя и политических элит того времени. Парадиг-

му распада для нацистского историка, как правило, обозначали участвовавшие случаи прихода к власти императоров «неримской крови»; именно порча крови видится едва ли не важнейшим симптомом и фактором упадка римского народа и государства, им созданного.

Совсем другое дело – история Великого переселения народов, эпохи героических предков, которые в силу своего божественного предназначения претендовали на мировое господство. Данный пункт убедительно подтверждает хотя бы то обстоятельство, что министр внутренних дел и полиции Германии выпустил директиву, обязавшую историков утверждать: «благодаря переселению народов германская культура легла в основу человеческой культуры вообще» [12, с. 9–11]. В соответствии с этим были предприняты попытки уйти от негативной коннотации самого слова «варвар», которое отныне заключалось в обязательные кавычки. Как и современные нацисты, их предки были объявлены «революционерами», установившими "Neue Ordnung" на покоренных землях. Историческая научная продукция по темам "Völkerwanderung" этого времени выполняла ту же функцию, что и череда военных успехов немецкой армии – и заключалась эта функция в разжигании националистических эмоций; историческая наука к тому же «удревняла» их, задавая реципиентам пафосную историческую ретроспекцию героизма предков.

Как известно, римская история представлялась А. Гитлеру лучшей учительницей не только для настоящего, но и вообще для всех времен. Конечно, работы историков, посвященные истории Римской империи и варварских народов того времени не были исключительно цитатниками речей А. Гитлера; это не исключает однако, некой парадигмы, их объединяющей. Вряд ли можно говорить о том, что к моменту издания работы Г. Берве "Imperium Romanum" в трактовке римской истории существовала какая-то неопределенность, открывающая простор для интерпретации. Все было проще и сложнее одновременно.

Мировой исторический процесс представлялся нацистским историкам как вечное колебание полярностей, крайних противоположностей; его движение было фатальным круговоротом судеб германского духа, инверсионным движением от одной мистической катастрофы к другой. Как неоднократно было отмечено выше, кризисы трактовались как важные и неотъемлемые составляющие динамики мирового исторического процесса. История как наука при этом не являлась самоцелью, она должна была носить «прикладной» характер, проецироваться на реалии современности. История – это политическое средство; служебная задача истории состоит в том, чтобы научить массы безоговорочно верить политическим деятелям, правильно понимать их призывы.

В своей статье (написанной, что называется, еще «по горячим следам» – в 1950 году) А. П. Каждан подмечает: «после установления фашистской диктатуры становится особенно отчетливым переход к откровенной идеализации поздней Римской империи» [13, с. 167]. Идеализировался период централизованной системы власти, во время которого Рим превратился в монархическое государство с абсолютными полномочиями императора, когда исчезают из реалий политической жизни те, кого прежде именовали «первыми среди равных», когда все подчиняется нуждам политической практики. В результате в политической системе поздней Римской империи историки эпохи национал-социализма узрели достаточно близкую (если не в хронологическом, то в смысловом отношении) историческую параллель собственному государству под названием "Drittes Reich".

В то же время, на практике сам А. Гитлер был не чужд политике "divide et impera"; редкий его биограф не замечает, что он, характеризуя исторические реалии Германии начала 20-х годов, часто прибегал к сравнению последних с ситуацией в Римской империи накануне ее крушения. В соответствии с гитлеровской концепцией, механизм ослабления и гибели великих культур прошлого (в том числе и римской) достаточно прост и соотносится с постулатами теоретической оси немецкого фашизма – расовой теории. Во всем виноваты процессы «расового смешения», «заражения» и «отравления крови», т. е. и в Древнем Риме, и в современных А. Гитлеру условиях еврейство (в первом случае – христианское, а во втором – большевистское) выступило деструктивным фактором, разлагающе действовавшим на культуру «высшей расы» или «господствующей нации». В гитлеровской речи от 1942 года встречаются слова о том, что античный мир погиб фактически вследствие депопуляционных процессов: правящие круги империи были богаты, но не имели желания обзаводиться детьми. Величие Рима изначально строилось на образцовых расовых и семейных отношениях, однако впоследствии нужды обороны римского государства приводят в действие пагубный процесс смешения с чужеземной кровью. В Римской империи еврейство, выступив в образе христианской миссии, подорвало ее расовые основы и открыло эру тысячелетнего хаоса.

И, конечно же, сей автор никак не мог обойти темы «восточной заразы»: к примеру, в одной своей речи (датированной 02.XII.1941) Гитлер утверждал, что Европа в древности защищалась руками греков от персов, римлян – от Карфагена. Но самый яркий, пожалуй, пример – это крупнейшее военное событие героической эпохи Völkerwanderung – «Битва народов 451 года н. э.». Итак, в сражении на Каталаунских полях (ставшем апогеем, концентрированным выражением противостояния Запада и Востока в эпоху ВПН) древние германцы стояли плечом к плечу с римлянами, отсекая от великой Римской империи очередную угрозу восточной интервенции.

Совершенно иную картину мы можем наблюдать, если обратимся к фашистской Италии. Вполне предсказуемо итальянские фашисты воспринимали себя в качестве потомков римлян; а значит, и преклонялись они перед Римом и его величественным прошлым. В Италии живо интересовались историей античности, выводя основания современной культуры непосредственно из античных корней (как справедливо заметил И. Е. Суриков, именно в силу этих причин в Германии аналогичное преклонение было перенесено в большей степени на Грецию) [14, с. 205]. Б. Муссолини (как истинный *duce del fascismo*) не скупился в вопросах финансирования, как только речь заходила о реставрации античных памятников, проведении исследовательских работ и т. д. Чего стоит хотя бы упоминания о таких проектах, как восстановление Алтаря мира императора Августа или извлечение остатков древних «кораблей-дворцов», датируемых I веком н. э. (озеро Неми).

К тому же, не следует забывать, что цель военно-политической интеграции нацистской Германии и фашистского режима Италии заключалась в достижении некоей универсалистской гегемонии над значительной частью мира. Но геополитические реалии, как известно, не предусматривали абсолютного равенства и паритета в рамках «оси» Берлин–Рим (не секрет, что в свое время *Drittes Reich* очень «вовремя» обеспечил Италию жизненно необходимыми ей промтоварами и сырьем, – а это (в совокупность с известными внутривосточными мероприятиями) привело к обретению Италией статуса неравноправного союзника Рейха).

Сам факт существования данного агрессивного германо-итальянского блока не мог не стать смысловым фоном академических (или псевдоакадемических) исследо-

ваний того времени. И это придает рассматриваемому аспекту особую интригу. Итак, очень интересно, каким образом обыгрывалась тема римско-германских отношений и роли германцев в падении Римской империи в рамках проекта, где говорить привычно о дегенерации римской элиты, о биологическом ослаблении Imperium Romanum вследствие бастардизационных процессов было, мягко говоря, неуместно (как-никак – дружественные народы с близкой идеологией).

В свете всего вышесказанного хотелось бы обратиться к менее растиражированным (но куда более интересным в историографическом плане) и показательным, отражавшим дух времени и нормативные цели его исторической науки трудам Г. Берве. Речь идет о небольшой брошюре с фундаментальным названием "Imperium Romanum".

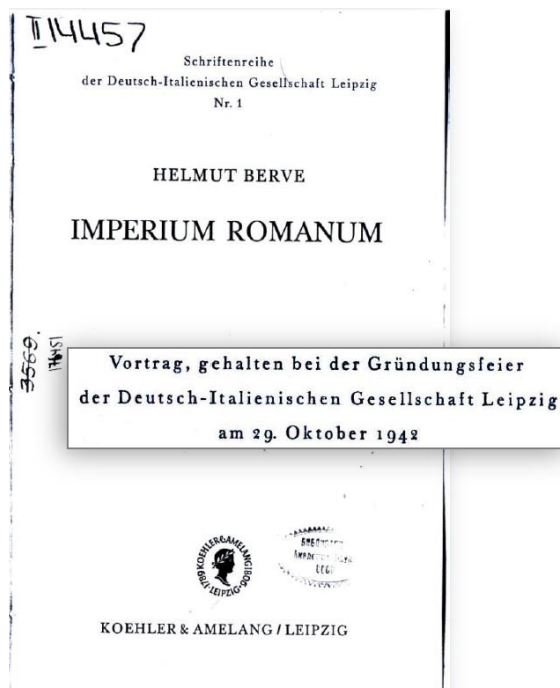

Рис. 1. Титульный лист (и фрагмент контртитула) брошюры Гельмута Берве "Imperium Romanum"

По большому счету это (как явствует из поясняющего фото выше) двадцатитрехстраничный доклад, открывающий серию публикаций (под № 1) Немецко-итальянского Общества г. Лейпцига (этакого "DIG in Leipzig" образца 1942 года). Данная работа по своей сути не просто должна была служить «делу немецкой нации», ее посыл в некотором роде интернационален. Однако ее центрирует все та же идея исторического обоснования т. наз. «великой борьбы немецкого народа».

История Римской империи в рамках данной работы стала для Берве благодатным полем для реализации уже апробированных лично-волюнтаристских подходов, слишком многое объяснявших перипетиями военной и политической борьбы, выносящей на исторический олимп выдающихся полководцев, реформаторов и т. д.

Брошюра, приуроченная к торжественному мероприятию по случаю основания «Общества», имела целью пролить свет на исторические корни оформления Средиземноморской зоны в соответствии с доктринами "Neue Ordnung". В работе обращают на себя внимание предельная простота изложения и незамысловатая логика, объясняющая геополитическую катастрофу прошлого сквозь призму геополитических же метаморфоз настоящего. Впрочем, чего еще ожидать от работы, начинаю-

щейся словами "Exzellenzen! Meine Damen und Herren!" [15, с. 3]. На глубину исторического анализа рассчитывать не приходится – ведь в исследовательском фокусе оказываются проблемы, связанные с установлением «нового порядка» в Европе (и, соответственно, о полномочиях и претензиях фашистской Италии и национал-социалистической Германии в этом «нелегком деле»).

Но Г. Берве тактичен, – он не отнимает у итальянцев их права на почитание собственной истории. В самом начале работы он пишет: «Вполне правильно в Италии опираются на традиции «величественного прошлого» [16, с. 3]. Но тут же добавляет к комплиментарному пассажи тезис о необходимости тесного сотрудничества с Германией в том, что касается построения «могучей итальянской империи». Главными творческими силами здесь выступают, согласно автору, «Дух Фашизма» и «Энергия Дуче» [17, с. 4]. А потому, в сложившихся реалиях взгляд «невольнo обращается к единственному в своем роде образцу порядка, устройства Средиземноморья, что предлагает нам прошлое – это Imperium Romanum» [18, с. 16]. Рецепт успеха римского империализма достаточно прост. Он состоит из двух компонентов: реализации уникального географического шанса и силе господствующего народа. Т. е., народная сила итальянцев в сочетании с выгодным географическим положением привели римлян к выполнению своего всемирно-исторического предназначения.

В концепции Г. Берве достаточно большое внимание уделяется характеристике процесса ослабления и крушения римского государства. Как полагает автор, процесс упадка начинается со II в. н. э. и завершается в V. Но этот процесс имеет куда большую хронологическую укорененность: уже в I в. н. э. вследствие ослабления народной силы римлян, комплектование легионов становится крайне зависимым от населения провинций. Провинциализация, таким образом, рисуется историком как крайне негативный фактор, сопровождавший развитие римской мировой державы. Наполнение *cives Romani* неиталийскими элементами (или просто провинциалами) имело губительные последствия.

Проблематика «Западная Римская империя – Восточная Римская империя» построена на мысли изначального «культурного раздвоения» единой империи [19, с. 417]. Отсутствие культурного монизма Запада и Востока «отнюдь не являлось объединяющим моментом, потому империя позднее и распалась на эти две половины» [20, с. 17]. Изначально, находясь под твердым единоличным управлением, западная и восточная части Империи были связаны и интенсивно взаимодействовали. Но уже с конца II в. н. э. процесс распада прогрессировал «ужасающими темпами» [21, с. 19]; и не смотря на попытки Диоклетиана воспрепятствовать этому, «разложение империи не было остановлено» [22, с. 19].

В заключительной части книги автор задается целью постичь «сущность, характер сил, которые стали причинами внутреннего разложения и внешней катастрофы Imperium Romanum» [23, с. 21].

Важным и многозначительным фактором, приведшим империю к гибели, Берве считает ослабление народной силы итальянцев. Уменьшение народной силы, силы господствующего народа в данном случае представлено как некий духовно-психологический регресс, имевший вполне «материальные», осязаемые негативные последствия. Длительный мир и материальное благополучие усыпляли воинственный дух римлян (убывающее население Италии всячески избегало перспектив военной службы), а потому в легионах регулярной армии начал превалировать все тот же провинциальный элемент. Подобное «смещение центра тяжести от центра к периферии» [24, с. 20], по Г. Берве, началось в военной среде и распространилось вско-

ре на все остальные области жизни римлян. Экономика центра (т. е. Италии) уже в I веке н. э. переживает весьма опасный спад; с этого времени провинции начинают опережать центр в своем хозяйственном развитии.

Кстати, в последнем тезисе угадывается контуры распространенного в современной империологии мнения, согласно которому имперское освоение пространства по определению идет рядом с государственной деструкцией. Это есть многократно подтвердившийся и часто повторяющийся исторический закон: любая империя (а уж тем более – мировая) стремится к универсализации власти внутри самой себя. Но процессы унификации и стандартизации дихотомии «имперский Центр – провинции» реализуются и остаются в истории как явление, сформулированное примерно следующим образом: «Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр» (выражение Г. С. Кнабе).

Возвращаясь к содержанию работы Г. Берве, следует упомянуть тезис о метаморфозах духовной жизни Рима. Историк отмечает: с течением времени дают о себе знать силы, ранее успешно сдерживаемые римской политикой – население Галлии, Испании, Африки выступает по отношению к Италии на первый план (в качестве наиболее весомого аргумента этому положению автор приводит успехи на ниве литературного творчества). Губительна была и религиозная политика Рима, характеризовавшаяся терпимостью, а вернее, безразличием по отношению к религиозной жизни и традициям покоренных народов.

Таким образом, Италия, не сумевшая ничего противопоставить провинции, неримскому элементу, в итоге безнадежно затерялась в его окружении [25, с. 21]. В соответствии с мнением историка, Рим «выхолащивается» [26, с. 21], утрачивает свою сущность, – и этот процесс начинается отнюдь не в период Позднего Рима. Отправной точкой деструкции является грань исторического процесса, когда на смену республиканской форме правления приходит институт императорства.

Итак, в эпоху Империи синхронно с накоплением деструктивных элементов в социально-экономической сфере Центра (Рима и всей Италии) шел процесс интенсивного развития (под эгидой *Imperium Romanum*) провинций. В результате *Imperium Romanum* «становится все более похожей на тело, лишенное сердца» [27, с. 21]. Примечательно, но Г. Берве не особенно категоричен в вопросе оценки эдикта Каракаллы. Принятие в 212-м году закона, дающего права римского гражданина всему свободному населению империи, согласно его мнению, стало одновременно и апогеем совершенства и началом распада государства. В организационно-правовом, формальном плане империя достигла высшей ступени внутренней консолидации; в действительности же, напротив, периферия во всех сферах выходит на лидирующие позиции.

Г. Берве полагает, что «дероманизация» всего римского государственного организма совершалась с неизбежной необходимостью. Армада римских легионов разбавлялась контингентами из провинций; по отношению к греческим и римским городам (носителям античной культуры и цивилизации) выдвинулась вперед пошлая, банальная, «плоская» [28, с. 20] периферия, олицетворявшая собой грубый неантичный элемент. А потому вектор исторического развития, заданный новыми реалиями, мог быть только регрессивным.

Хозяйственно-экономическая жизнь городов, являвшихся опорой экономики империи, при этом оказалась непоправимо нарушенной. Непрерывная борьба за императорский трон действовала так же разрушающе, как и взаимодействие администрации провинций с опасными силами – германцами и персами [29, с. 21].

Аврелий, Диоклетиан, Константин своей политикой пытались скрепить трещавшую по швам империю [30, с. 22], однако работа их, по праву достойная восхищения, не имела перспектив. Ни христианство, использованное Константином в качестве нового связующего фермента, ни императорский церемониал не смогли восполнить того, что было безвозвратно утрачено – народной силы римлян [31, с. 21].

Примечательно, что историк не акцентирует внимания на внешней угрозе империи, как ключевой детерминанте, вызвавшей гибель государства. То, что Рим не сумел выдержать в конце IV века н. э. натиск молодых сил германцев, явилось, скорее, следствием и признаком его окончательного упадка. Падение Римской империи Берве относит к политическим следствиям [32, с. 22] вышеописанного многослойного процесса. Это был распад имперского единства в пользу суверенитета провинций, где силами местной элиты создавались собственные формы политической организации. Вместе с уходом с исторической сцены Imperium Romanum, по Берве, можно говорить и о падении мира античности [33, с. 23].

Г. Берве не умаляет значения Римской империи в мировой истории, не ставит под сомнение ее достижения и всемирно-исторические амбиции. Но в том, что касается опоры на прошлое в делах насущных – историк предлагает, что называется, не торопиться с выводами. По крайней мере, итальянцам. В заключении историк призывает воздержаться от «удобных для современности, но глубоко обманчивых, ложных параллелей, потому как история, творящаяся вечно, имеет свойство никогда не повторяться» [34, с. 24].

Таким образом, даже краткий анализ содержания данной работы показывает: немецкая наука 40-х годов XX века об античности была поставлена под жесткий контроль и превратилась в рупор нацистской пропаганды. В центре внимания историков находились сюжеты, которые активно работали на идею "Machtgeschichte". Прославление войны, поэтизация варварства как стиля жизни и наделение германцев исключительной воинственностью – все это имело прямую проекцию на реалии современности. Одним словом, в исторической литературе звучал отнюдь не немой призыв подражать своим предкам.

Историческая литература этого времени превратилась в одно большое идеологическое искажение, дезинформацию, вызванные излишне прямой связью с мифологемой роли расовой войны в мировом историческом процессе. Естественно, национал-социалистическими по своим главным установкам были и труды Г. Берве, в годы гитлеровского правления возглавившего специально учрежденное ведомство, обеспечивавшее «участие науки об античности в войне» [35, с. 220].

Германия и Италия были далеко не равноправными, но все же – союзниками в своих неблагоприятных делах. На наш взгляд, эта двойственная геополитическая реальность того времени как в капле, отразилась на страницах брошюры Г. Берве, буквально пропитав каждый абзац его исторического повествования.

Примечательно, но и после разгрома Германии Г. Берве не стал связывать крах преступного политического режима с необходимостью прекращения своей научной деятельности, – и продолжил активно работать на привычном поприще. Так, кстати, поступали очень многие. Интересно другое: Г. Берве не так уж бескомпромиссно отрицательно оценивал свои научные усилия эпохи национал-социализма, – и в последующие годы переиздавал сборник своих статей, содержащий труды столь неблагоприятного периода. Ни дать ни взять – классический "deutscher Althistoriker".

Ссылки на источники

1. Berve Helmut // Kulturportal West–Ost. – URL: <http://kulturportal-west-ost.eu>.
2. Берве Г. Тираны Греции. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
3. Rebenich S. Alte Geschichte in Demokratie und Diktatur. Der Fall Helmut Berve // Chiron. – 2001. – Band 31. – S. 457–496.
4. Christ K. Helmut Berve. 1896–1979 // Christ K. Neue Profile der Alten Geschichte. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. – S. 125–187.
5. Günther L.-M. Helmut Berve. Professor in München 6.3.1943–12.12.1945 // Seibert J. (Hrsg.). 100 Jahre Alte Geschichte an der Ludwig-Maximilians-Universität München (1901–2001). – Berlin: Duncker und Humblot, 2002. – S. 69–105.
6. Rebenich S. Op. cit.
7. Urban R. Alte Geschichte in Erlangen von Robert (von) Pöhlmann bis Helmut Berve // Neuhaus H. (Hrsg.). Geschichtswissenschaft in Erlangen. – Erlangen-Jena 2000, – S. 45–70.
8. Суриков И. Е. Винкельман – Ницше – Гитлер: «немецкая античность» и складывание нацистской идеологии // История и современность. – 2012. – № 1 (март). – С. 194–209.
9. Фролов Э. Д. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917–1975) // Античный мир и археология. – Вып. 4. – Саратов, 1979. – С. 124–175.
10. Там же.
11. Там же.
12. Панкратова А. М. О преподавании истории в капиталистических странах // Историк-большовик. – 1931. – № 1. – С. 9–11.
13. Каждан А. П. Проблемы поздней Римской империи в современной буржуазной литературе // ВДИ. – 1950. – № 1. – С. 166–176.
14. Суриков И. Е. Указ. ст.
- 15.–35. Berve H. Imperium Romanum. – Leipzig: Koehler & Amelang, 1943. – 23 s.

Voloschin Dmitry,

candidate of historical sciences, associate professor, department of general and regional history of the Armavir state pedagogical academy, Armavir

voloschindim@mail.ru

Zaitsev Alexandr,

student of the III-rd course of historical faculty of the Armavir state pedagogical academy, Armavir

Zajcev007@mail.ru

“Uncomfortable theme”: ancient Germans and Roman Empire in the Helmut Berve’s pamphlet “Imperium Romanum”

Abstract. In the center of author’s attention – small work of famous German researcher Helmut Berve “Imperium Romanum”. According to the content of this pamphlet the problems of Roman Empire’s fall and the Germans’ role in this process are shown as general paradigm of German-Italian convergence in the beginning of 40’s of the XX century.

Keywords: Roman Empire, Germans, national socialism, fascism, German-Italian Society.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»